

Кляуза. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Кляуза. Василий Макарович Шукшин

Опыт документального рассказа.

Хочу попробовать написать рассказ, ничего не выдумывая. Последнее время мне нравятся такие рассказы – невыдуманные. Но вот только начал я писать, как сразу запнулся: забыл лицо женщины, про которую собрался рассказать. Забыл! Не ставь я такой задачи – написать только так, как было на самом деле, – я, не задумываясь, подробно описал бы ее внешность... Но я-то собрался иначе. И вот не знаю: как теперь? Вообще, удивительно, что я забыл ее лицо, – я думал: буду помнить его долго-долго, всю жизнь. И вот – забыл. Забыл даже: есть на этом лице бородавка или нету. Кажется, есть, но, может быть, и нету, может быть, это мне со зла кажется, что есть. Стало быть, лицо – пропускаем, не помню. Помню только: не хотелось смотреть в это лицо, неловко как-то было смотреть, стыдно, потому видно, и не запомнилось-то. Помню еще, что немного страшно было смотреть в него, хотя были мгновения, когда я, например, кричал: "Слушайте!.." Значит, смотрел же я в это лицо, а вот – не помню. Значит, не надо кричать и злиться, если хочешь что-нибудь запомнить. Но это так – на будущее. И потом: вовсе я не хотел тогда запомнить лицо этой женщины, мы в те минуты совершенно серьезно НЕНАВИДЕЛИ друг друга... Что же с ненависти спрашивать! Да и теперь, если уж говорить всю правду, не хочу я вспоминать ее лицо, не хочу. Это я за ради документальности решил было начать с того: как выглядит женщина. Никак! Единственное, что я хотел бы сейчас вспомнить: есть на ее лице бородавка или нет, но и этого не могу вспомнить. А прошло-то всего три недели! Множество лиц помню с детского возраста, прекрасно помню, мог бы подробно описать, если бы надо было, а тут... так, отшибло память, и все.

Но – к делу.

Раз уж рассказ документальный, то и начну я с документа, который сам и написал. Написал я его по просьбе врачей той больницы, где все случилось. А случилось все вечером, а утром я позвонил врачам и извинился за самовольный уход из больницы и объяснил, что случилось. А когда позвонил, они сказали, что ТА женщина уже написала на меня ДОКУМЕНТ, и посоветовали мне тоже написать что-то вроде объяснительной записки, что ли. Я сказал дрожащим голосом: "Конечно, напишу. Я напишу-у!.." Меня возмутило, что ОНА уже успела написать! Ночью писала! Я, приняв димедрол, спал, а она не спала – писала. Может, за это уважать надо, но никакого чувства, похожего на уважение (уважают же, говорят, достойных врагов!), не шевельнулось во мне. Я ходил по комнате и только мычал: "Мх ты..." Не то возмутило, что ОНА опередила меня, а то – что ОНА там написала. Я догадывался, что ОНА там наворочала. Кстати, почерк ЕЕ, не видя его ни разу, я, мне кажется, знаю. Лица не помню, не знаю, а почерк покажи – сразу сказал бы, что это ЕЕ почерк. Вот дела-то!

Я походил, помычал и сел писать.

Вот что я написал:

"Директору клиники пропедевтики 1-го мединститута им. Сеченова".

Я не знал, как надо: "главврачу" или "директору", но подумал и решил: лучше – "директору". Если там "главврач", то он или она, прочитав: "директору", подумает: "Ну уж!.." Потому что, как ни говорите, но директор – это директор.

Я писал дальше:

"Объяснительная записка. Хочу объяснить свой инцидент..."

Тут я опять остановился и с удовлетворением подумал, что в ЕЕ ДОКУМЕНТЕ наверняка нет слова "инцидент", а у меня – вот оно, извольте: резкое, цинковое словцо, которое – и само за себя говорит, и за меня говорит: что я его знаю.

"... с работником вашей больницы..."

Тут опять вот – "вашей". Другой бы подмахнул "Вашей", но я же понимаю, что больница-то не лично его, директора, а государственная, то есть общее достояние, поэтому, sluкавь я, польсти с этим "Вашей", я бы уронил себя в глазах того же директора, он еще возьмет и подумает: "Э-э, братец, да ты сам безграмотный". Или – еще хуже – подумает: "Подхалим". Итак:

"Хочу объяснить свой инцидент с работником вашей больницы (женщина, которая стояла на вахте 2 декабря 1973 года, фамилию она отказалась назвать, а узнавать теперь, задним числом, я как-то по-человечески не могу, ибо не считаю это свое объяснение неким "заявлением" и не жду, и не требую никаких оргвыводов по отношению к ней), который произошел у нас 2 декабря. В 11 часов утра..."

В этом абзаце мне понравилось, во-первых, что "задним числом, я как-то по-человечески не могу..." Вот это "по-человечески" мне очень понравилось. Еще понравилось, что я не требую никаких "оргвыводов". Я даже подумал: "Может, вообще не писать?" Ведь получается, что я, благородный человек, все же – пишу на кого-то что-то такое... В чем-то таком кого-то хочу обвинить... Но как подумал, что ОНА-то уже написала, так снова взялся за ручку. Она небось не раздумывала! И потом, что значит – обвинить? Я не обвиняю, я объясняю, и "оргвыводов" не жду, больше того, не требую никаких "оргвыводов", я же и пишу об этом.

"В 11 часов утра (в воскресенье) жена пришла ко мне с детьми (шести и семи лет), я спустился по лестнице встретить их, но женщина-вахтер не пускает их. Причем я, спускаясь по лестнице, видел посетителей с детьми, поэтому, естественно, выразил недоумение – почему она не пускает? В ответ услышал какое-то злостное – не объяснение даже – ворчание: "Ходят тут!" Мне со стороны умудренные посетители тихонько подсказали: "Да дай ты ей пятьдесят копеек, и все будет в порядке". Пятидесяти копеек у меня не случилось, кроме того (я это совершенно серьезно говорю), я не умею "давать": мне неловко. Я взял и выразил сожаление по этому поводу вслух: что у меня нет с собой пятидесяти копеек".

Я помню, что в это время там, в больнице, я стал нервничать. "Да до каких пор!.." – подумал я.

"Женщина-вахтер тогда вообще хлопнула дверью перед носом жены. Тогда стоявшие рядом люди хором стали просить ее: "Да пустите вы жену-то, пусть она к дежурному врачу сходит, может, их пропустят!"

Честное слово, так и просили все... У меня там, в больнице, слезы на глаза навернулись от любви и благодарности к людям. "Ну!.." – подумал я про вахтершу, но от всяческих оскорблений и громких возмущений я удерживался, можете поверить. Я же актер, я понимаю... Наоборот, я сделал "фигуру полной беспомощности" и выразил на лице большое огорчение.

"После этого женщина-вахтер пропустила жену, так как у нее же был пропуск, а я, воспользовавшись открытой дверью, вышел в вестибюль к детям, чтобы они не оставались одни. Женщина-вахтер стала громко требовать, чтобы я вернулся в палату..."

Тут я не смогу, пожалуй, передать, как ОНА требовала. Она как-то механически, не так уж громко, но на весь вестибюль повторяла, как в репродуктор: "Больной, вернитесь в палату! Больной, вернитесь в палату! Больной, я кому сказала: вернитесь сейчас же в палату!" Народу было полно; все смотрели на нас.

"При этом женщина-вахтер как-то упорно, зло, гадко не хочет понять, что я этого

Кляуза. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
не могу сделать – уйти от детей, пока жена ищет дежурного врача. Наконец она
нашла дежурного врача, и он разрешил нам войти. Женщине-вахтеру это очень не
понравилось".

О, Ей это не понравилось; да: все смотрели на нас и ждали, чем это кончится, а
кончилось, что ЕЕ как бы отодвинули в сторону. Но и я, по правде сказать,
радости не испытал – я чувствовал, что это еще не победа, я понимал тогда
сердцем и понимаю теперь разумом: ЕЕ победить невозможно.

"Когда я проходил мимо женщины-вахтера, я услышал ее недоброе обещание: "я тебе
это запомню". И сказано это было с такой проникновенной злобой, с такой
глубокой, с такой истинной злобой!.. Тут со мной что-то случилось: меня стало
мелко всего трясти..."

Это правда. Не знаю, что такое там со мной случилось, но я вдруг почувствовал:
что – все, конец. Какой "конец", чему "конец" – не пойму, не знаю и теперь, но
предчувствие какого-то очень простого, тупого конца было отчетливое. Не смерть
же, в самом деле, я почувствовал – не ее приближение, но какой-то КОНЕЦ.. Я тогда
повернулся к НЕЙ и сказал: "Ты же не человек". Вот – смотрел же я на НЕЕ! – а
лица не помню. Мне тогда показалось, что я сказал – гулко, мощно, показалось,
что я чуть не опрокинул ЕЕ этими словами. Мне на миг самому сделалось страшно, я
поскорей отвернулся и побежал догонять своих на лестнице. "О-о!.. – думал я про
себя. – А вот – пусть!.. А то только и знают, что грозят!" Но тревога в душе
осталась, смутная какая-то жуть.. И правая рука дергалась – не вся, а большой
палец, у меня это бывает.

"Я никак не мог потом успокоиться в течение всего дня. Я просил жену, пока она
находилась со мной, чтобы она взяла такси – и я уехал бы отсюда прямо сейчас.
Страшно и противно стало жить, не могу собрать воедино мысли, не могу доказать
себе, что это – мелочь. Рука трясется, душа трясется, думаю: "Да отчего же такая
сознательная, такая в нас осмысленная злость-то?" При этом – не хочет видеть,
что со мной маленькие дети, у них глаза распахнулись от ужаса, что "на их папу
кричат", а я ничего не могу сделать. Это ужасно, я и хочу сейчас, чтобы вот
эта-то мысль стала бы понятной: жить же противно, жить неохота, когда мы такие.

Вечером того же дня (в шесть часов вечера) ко мне приехали из Вологды писатель
В. Белов и секретарь Вологодского отделения Союза писателей поэт В. Коротаев. Я
знал об их приезде (встреча эта деловая), поэтому заранее попросил моего
лечащего врача оставить пропуск на них. В шесть часов они приехали – она не
пускает. Я опять вышел.. Она там зло орет на них. Я тоже зло стал говорить, что –
есть же пропуск!.. Вот тут-то мы все трое получили..."

В вестибюле в то время было еще двое служителей – ОНА, видно, давала им урок
"обращения", они с интересом смотрели. Это было, наверно, зрелище. Я хотел рвать
на себе больничную пижаму, но почему-то не рвал, а только истерично и как-то
неубедительно выкрикивал, показывая куда-то рукой: "Да есть же пропуск!..
Пропуск же!.." ОНА, подбоченившись, с удовольствием, гордо, презрительно – и все
же лица не помню, а помню, что презрительно и гордо – тоже кричала: "Пропуск
здесь – я!" Вот уж мы бесились-то!.. И ведь мы, все трое, – немолодые люди,
повидали всякое, но как же мы суетились, господи! А она кричала: "А то –
побежа-али!.. К дежурному вра-чу-у!.. – это ОНА мне. – Я побегаю! Побегаю тут!..
Марш на место! – это опять мне. – А то завтра же вылетишь отсудова!" Эх, тут мы
снова, все трое, – возмущаться, показывать, что мы тоже законы знаем! "Как это –
"вылетишь"?! Как это! Он больной!.." – "А вы – марш на улицу! Вон отсудова!.."
Так мы там упражнялись в пустом гулком вестибюле.

"Словом, женщина-вахтер не впустила моих товарищей ко мне, не дала и там
поговорить и стала их выгонять. Я попросил, чтобы они нашли такси..."

Тут наступает особый момент в наших с НЕЙ отношениях. Когда товарищи мои ушли
ловить такси, мы замолчали.. И стали смотреть друг на друга: кто кого

Кляуза. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
пересмотрит. И еще раз хочу сказать – боюсь, надоел уж с этим – не помню ЕЕ лица, хоть убей. Но отлично помню – до сих пор это чувствую, – с какой враждебностью, как презрительно ОНА не верила, что я вот так вот возьму и уеду. Может, у НЕЙ драма какая была в жизни, может, ЕЙ много раз заявляли вот так же: возьму и сделаю!.. А не делали, она обиделась на веки вечные, не знаю, только ОНА прямо смеялась и особо как-то ненавидела меня за это трепаческое заявление – что я уеду. Мы еще некоторое время смотрели друг на друга... И я пошел к выходу. Тут было отделился от стенки какой-то мужчина и сказал: "Э-э, куда это?" Но я нес в груди огромную силу и удовлетворенность. "Прочь с дороги!" – сказал я, как Тарас Бульба. И вышел на улицу.

Был морозец, я в тапочках, без шапки... Хорошо, что больничным костюм был темный, а без шапок многие ходят... Я боялся, что таксист, обнаружив на мне больничное, не повезет. Но было уже и темновато. Я беспечно, не торопясь, стараясь не скользить в тапочках, чтобы тот же таксист не подумал, что я пьяный, пошагал вдоль тротуара, оглядываясь назад, как это делают люди, которые хотят взять такси. Я шел и думал: "У меня же ведь еще хроническая пневмония... Я же прямо горстями нагребая в грудь воспаление". Но и тут же с необъяснимым упорством и злым удовлетворением думал: "И пусть".

А друзья мои в другом месте тоже ловили такси. На мое счастье я скоро увидел зеленый огонек...

Все это я и рассказал в "Объяснительной записке". И когда кончил писать, подумал: "Кляуза, вообще-то..." Но тут же сам себе с дрожью в голосе сказал:

– Ну, не-ет!

И послал свой ДОКУМЕНТ в больницу.

Мне этого показалось мало: я попросил моих вологодских друзей тоже написать ДОКУМЕНТ и направить туда же. Они написали, прислали мне, так как точного адреса больницы не знали. Я этот их ДОКУМЕНТ в больницу не послал – я и про свою-то "Объяснительную записку" сожалею теперь, – а подумал: "А напишу-ка я документальный рассказ! Попробую, по крайней мере. И приложу оба ДОКУМЕНТА".

Вот – прикладываю и их ДОКУМЕНТ.

г. Москва, ул. Погодинская, клиника пропедевтики, Главному врачу

Настоящим письмом обращаем Ваше внимание на следующий возмутительный случай, происшедший в клинике 2 декабря в период с 18 до 19 часов. Приехав из другого города по делам, связанным с писательской организацией, мы обратились к дежурной с просьбой разрешить свидание с находившимся в клинике Шукшиным В. М. Вначале дежурная разрешила свидание и порекомендовала позвонить на этаж. Но, узнав фамилию больного, вдруг переменяла решение и заявила: "К нему я вас не пушу". На вопрос "почему?" – она не ответила и вновь надменно и грубо заявила, что "может сделать, но не сделает", что "другим сделает, а нам не сделает". Такие действия для нас были совершенно непонятны, тем более что во время наших объяснений входили и выходили посетители, которым дежурная демонстративно разрешала свидания. Один из них благодарил дежурную весьма своеобразно, он сказал, уходя: "Завтра с меня шоколадка" (мы не предполагали, что в столичной клинике может существовать такая форма благодарности, и шоколадом не запаслись).

В.М. Шукшин, которому сообщили о нашем приходе другие больные, спустился с этажа и спросил дежурную, почему она не разрешает свидание, хотя у нас выписан пропуск. Она ответила грубым криком и оскорблением. Она не разрешила нам даже поговорить с В.М. Шукшиным и выгнала из вестибюля. На вопрос, каковы ее имя и фамилия, она не ответила и демагогически заявила, что мы пьяны. Разумеется, это была заведомая ложь и ничем не прикрытое оскорбление.

Считаем, что подобные люди из числа младшего медицинского персонала позорят советскую медицину, и требуем принять административные и общественные меры в отношении медработника, находившегося на дежурстве во второй половине дня 2 декабря с. г.

Кляуза. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Ответственный секретарь Вологодской писательской организации В. Кортаев.

Писатель В. Белов.

И – число и подписи.

...Прочитал сейчас все это... И думаю: "что с нами происходит?"

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!